

Когда грозовой разряд расколол небосвод, вывеска кофейни Сюаньци из древесины гинкго пошла семнадцатой рябью. Ван Сюаньдао, сжимая мешки с песком для защиты от наводнения, наблюдал, как дождевая вода собирается на каменных плитах в узор Ба-гуа. Су Цзинхао переложила рукопись Важнейших принципов питания на полку повыше, но между пожелтевшими страницами успели выскользнуть несколько семян кассии — в луже они сложились в очертания Ковша Большой Медведицы.

— Электричество вырубило! — жестами просигналил Сюй Хаожань, врываясь на кухню. Аварийный фонарь осветил на его груди значок тактильного меню. Ван Сюаньдао в темноте зажег благовония из древесины туи, и дым в отблесках молний вычертил линии Тайцзи. Линь Сусинь вбежала с улицы, промокшая насквозь — полынь в её аптечке уже напилалась влагой:

— В парке Уюэ затопило электрощитовую, Зал Цинъян доктора Чэня стал временным пунктом спасения.

Ливень барабанил по панорамным окнам, выбивая дробь по стене, украшенной бамбуковыми планками с текстом Трактата Желтого Императора о внутреннем. Ван Сюаньдао открыл старый чайник — заваренный позавчера чай с мятой и периллой еще хранил остатки тепла. Сюй Хаожань достал светящуюся палочку, и её призрачно-зеленый свет выхватил план борьбы с наводнением, придавленный на барной стойке, — маршрут эвакуации, отмеченный кофейными пятнами Су Цзинхао, странным образом совпадал с прожилками на чайном осадке.

— Используем угольную печь! — Старец Лу ворвался внутрь, и с его плаща из пальмовых листьев на пороге натекла целая лужа. Следом за стариком вошли трое промокших до нитки туристов, у женщины в положении на кашемировой шали проступали бурые пятна. Ван Сюаньдао внезапно вспомнил про угольную печь старого образца, спрятанную в тайнике за балкой в Западном флигеле — её извлекли из аптечного шкафа времен Китайской Республики еще во время ремонта.

Жесты Сюй Хаожаня в темноте замелькали, словно крылья бабочки. Линь Сусинь поняла его без слов, распахнула шкаф с лекарственными травами и наполнила медную печь трехлетней полынью. Ван Сюаньдао достал запас ароматического порошка Двадцати четырех сезонов и с изумлением заметил, что вес дождевой воды подозрительно точно соответствует делениям на весах для благовоний. В тот миг, когда вспыхнул уголь, шум ливня словно отфильтровался, а иероглифы Высшее благо подобно воде на ширме с Дао Дэ Цзин начали переливаться в теплом свете.

— Угощайтесь имбирным чаем, — Су Цзинхао вынесла чайник из исинской глины, трещина на носике которого делила струю на инь и ян. Девушка в ханьфу, сжимая чашку, всхлипнула:

— Моя гуцинь все еще в воде...

Ван Сюаньдао бросил взгляд на ростер для обжарки кофе в углу и внезапно выставил температуру на шестьдесят пять градусов:

— Попробуем просушить инструмент при низкой температуре?

К полуночи ливень достиг пика. В чате арендаторов парка Уюэ посыпались мольбы о помощи: фургончик с завтраками под номером семь застрял под деревом гинкго. Когда Ван Сюаньдао натянул спасательный жилет, Сюй Хаожань уже бросился в дождевую завесу, неся в руках пеньковую веревку. Луч фонаря разрезал потоки воды, высветив охранника Чжоу с супругой — они прикрывали фургон, а паровые булочки в корзинах то всплывали, то погружались в воду.

— Ловите! — Линь Сусинь бросила спасательный трос, сплетенный из кофейных мешков. Ван Сюаньдао, стоя по пояс в воде, нащупал корни гинкго — вырезанное на коре имя Сюаньцин-цзы стало идеальной точкой опоры. Жесты Сюй Хаожаня передавали информацию сквозь раскаты грома, и когда люди наконец вытолкали фургон на возвышенность, они с изумлением увидели, что потоки воды вокруг гуцинь закрутились в узор лотоса.

Аварийная табличка Зала Цинъян мерцала в дожде. Серебряная игла доктора Чэня уже приводила в чувство туриста, когда он поднял голову и увидел Ван Сюаньдао, ворвавшегося с аптечкой за спиной:

— Одолжи свой рецепт чая Пяти Элементов!

Промокший насквозь лист из Важнейших принципов питания прилип к стеклу аптечного шкафа — как раз на странице с главой о профилактике болезней после наводнений.

Вернувшись в кофейню, они обнаружили на угольной печи кашу из красной фасоли с цедрой мандарина. Программист в деловом костюме помогал беременной женщине сушить промокшие контракты — пергамент коробился возле углей, напоминая листья гинкго. Из ростера, где сушилась гуцинь, доносились обертоны мелодии Бегущая вода. Сюй Хаожань вытирал капли с корпуса инструмента, жестами показывая: Великая музыка беззвучна.

В четыре утра ливень немного стих. Ван Сюаньдао пересчитывал остатки припасов на барной стойке и обнаружил в банке с кофейными зернами плоды гинкго, подброшенные четой охранников. Су Цзинхао сложила мешки с песком в форме созвездия, а дождевая вода, стекавшая с ширмы Дао Дэ Цзин, собралась на плитах в надпись Следовать природе.

— Дали ток! — крик электрика парка утонул в гуле генератора. Светодиодные ленты кофейни Сюаньци вспыхнули одна за другой, осветив множество записок от клиентов, которые тихонько покачивались на ветру. Девушка в ханьфу оставила послание у гуцинь: Ливень промочил струны, но согрел людские сердца.

Когда утренний свет пробился сквозь облака, Ван Сюаньдао обнаружил под деревом гинкго свежие древесные грибы. Старец Лу с лопатой в руках расчищал водосток и вдруг рассмеялся:

— Старое дерево само себя спасает!

Воздушные корни переплелись с мешками с песком, выстроив в лужах миниатюрную дамбу. Доктор Чэнь с аптечкой обходил дома, а рецепт противозидемического чая из Зала Цинъян был переписан на обороте сезонного меню кофейни Сюаньци.

Су Цзинхао настраивала новый осушитель воздуха, глядя на показатели дисплея с

нахмуренными бровями:

— Стоимость оборудования как раз покроет ипотеку за следующий квартал.

Ван Сюаньдао же молча опустил всю выручку за грозовую ночь в ящик для пожертвований — звон монет разбудил туристов, дремавших в кабинках.

В полуденных новостях промелькнула вывеска кофейни Сюаньци. Линь Сусинь вбежала внутрь, размахивая телефоном:

— Дао, мы в топе поиска!

Видео с сушкой гуцинь под ливнем набрало миллион просмотров, а в комментариях писали: Древняя мудрость спасает культурное наследие. Ван Сюаньдао же смотрел на чайные пятна на стойке — их форма в точности повторяла карту потоков воды в Западном флигеле во время грозы.

Администрация парка прислала благодарность: документ об освобождении от арендной платы на два месяца. Ван Сюаньдао прижал его к ширме Дао Дэ Цзин и заметил, что последние четыре цифры номера документа совпадают с датой рождения его отца. Сюй Хаожань протирал новую бесшумную кофемашину и вдруг показал жестами: Выручка за ту ночь равна доходу за три обычных дня.

Дерево гинкго в сумерках купалось в лучах заката. Ван Сюаньдао разлил собранную во время ливня воду в исинский кувшин, наклеив этикетку: Осеннее равноденствие года Гуй-мао. Старец Лу принес сухие шелковые струны для гуцинь:

— Пора менять, старые шелковые нити отдам тебе — свяжешь кофейные мешки.

Су Цзинхао, подсчитывая новые карты лояльности, вдруг тихо рассмеялась:

— Двадцать три гостя оставили запрос на оздоровительные процедуры.

В час закрытия на кассе лежал анонимный конверт. Внутри оказалась схема электропроводки выставочного зала метавселенной, где ключевые узлы были обведены красным: Источник данных для реалистичного освещения — натурная съемка в парке Уюэ. Ван Сюаньдао бросил чертеж в угольную печь, и вспыхнувшее пламя осветило новое меню на стене: лимитированный кофе Высшее благо подобно воде с противоотечным чаем от доктора Чэня.

Той ночью Ван Сюаньдао записал в дневнике: Вода может перевернуть лодку, но может и заварить чай. Лунный свет скользнул по эмблеме на ящике для пожертвований, и монеты на дне сложились в узор Ковша. Сюй Хаожань, настраивая новое тактильное меню, закодировал жесты гостей той дождливой ночи в пароль: Гром — как удар барабана, ливень — как дверная занавесь.

Когда утренняя роса намочила новую занавеску с Двадцати четырьмя сезонами, первым гостем оказался инспектор из Бюро культуры и туризма. Мужчина провел рукой по стене с фотографиями спасения гуцинь и оставил запись в книге отзывов: То, что реальнее

выставочного зала метавселенной, — это тепло человеческих отношений в аромате кофе. Ван Сюаньдао молот зерна, обжаренные до грозы, и вдруг заметил, что трещины на них в точности повторяют прожилки листа гинкго.

В годовщину ливня Ван Сюаньдао обнаружил у водостока добровольцев, пришедших по собственной воле. Охранник Чжоу с супругой наставляли новых сотрудников: Мешки с песком нужно укладывать в форме Тайцзи — это старинный метод кофейни Сюаньци... Су Цзинхао открыла грозовую бухгалтерскую книгу и с улыбкой вычеркнула строку с убытками: Те двадцать три чашки имбирного чая принесли нам девяносто восемь постоянных клиентов.

Хруст упавшего плода гинкго заставил вздрогнуть колокольчик под карнизом. Ван Сюаньдао смотрел на новую медную табличку Пункт экстренной эвакуации и вспоминал слова отца перед смертью: Дао — в черепице и кирпичах, но оно же — в аромате кофе.

<http://bllate.org/book/18481/1776495>